

Владимир Железников

ЧУДАК ИЗ ПЯТОГО «Б»

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Владимир Карпович Железников
Чудак из пятого «Б».
Повести и рассказы
Серия «Золотая классика – детям!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68993290

Чудак из пятого «Б». Повести и рассказы / В. К. Железников: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-154322-8

Аннотация

Владимир Карпович Железников (1925—2015) – советский писатель и киносценарист. По его знаменитой повести «Чучело» был снят фильм, который вызвал широкий общественный резонанс. Также были экранизированы и другие произведения Владимира Железникова, например, «Чудак из пятого «Б»» (первая часть дилогии «Жизнь и приключения чудака»). Прочитать о жизни главного героя этой повести – Боре Збандуто – можно в нашей книге. Так случилось, что Борю назначили вожатым в первый класс. И теперь все его интересы – дружба, влюбленность, увлечения – отошли на второй план. Но мог ли Боря предположить, что он ни разу не пожалеет об этом?

Также в нашу книгу вошли повести «Белые пароходы», «Последний парад» и рассказы: «Майор Щеголеев», «Ослик и

пятый океан», «Девушка в военном», «Длинные и короткие ночи», «Про Катю» и другие.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Повести	7
Чудак из пятого «Б»	7
Тетрадь с фотографиями	8
Белые пароходы	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Железников

Чудак из пятого «Б».

Повести и рассказы

© Железников В. К., насл., 2023

© Бугославская Н. В., илл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Рисунки на обложке и титуле Н. Бугославской

Дизайн серии Н. Сушковой

Художественный редактор С. Крашенинникова

* * *

Повести

Чудак из пятого «Б»

*Вандал, варвар, гунн! Но в отличие от них
на тебе лежит печать цивилизации нескольких
столетий! Может быть, ты считаешь, что это не
имеет значения? Посмотрим, посмотрим...*

Из высказывания тети Оли в мой адрес

Тетрадь с фотографиями

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

– Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неисправим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие.

Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не

люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни – не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вклеили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

– Ты куда? – спросил Сашка.

– Никуда, – ответил я. – А ты?

– И я никуда, – сказал Сашка.

– А у меня, – сказал я, – есть десять рублей, – вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

– Подумаешь! – сказал Сашка.

– Да это же мои собственные! – возмутился я.

– Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

– Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

– А куда? – дотошно спросил он.

Я ответил:

– Естественно, в магазин.

– А в какой?

– «Все для женщин».

– Что-то я такого магазина не знаю, – сказал недоверчиво отец. – А ты, часом, не врешь?

– Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Все для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врешь?» Недаром

тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

– А где он находится? – продолжал он допрос.

– На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

– Там всю жизнь была керосиновая лавка! – завопил папа.

– Ее снесли, – храбро ответил я. – И выстроили новый магазин.

Ну, а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, – куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Все для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина.

Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошел в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловердный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой и выкрасил свою кровать в синий цвет.

Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придраться к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

– Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! – кричала мама. – Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она дей-

ствительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

– Ну чего ты? – сказал я. – Из-за кровати...

– Да нет, – ответила она, – из-за тебя. Растешь балбесом.

– Я обязательно исправлюсь, – сказал я. – Честное слово.

Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

– Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что сохрем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву – я, букву – Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

– А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? – спросила Настя.

– Он у нас знаменитый флейтист, – ответил я за Сашку.

– Молодец, – сказала Настя. – А ты, Боря, чем увлекаешься?

– Я? Исключительно ничем.

– Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

– Еще один воспитатель на мою бедную голову! – сказал я.

– Извини, – тихо ответила она. – Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.

Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила», – подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывающая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда

воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», – у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

– Что это вдруг? – удивился я. – Вроде еще ничего не случилось.

– Случилось. – Нина загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

– Интересно, – тут же стремительно вступил в игру Сашка.

– Ребята, минуту внимания! – сказала Нина. – Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

– Уря-а-а! – закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

– А во-вторых... – сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тю-тю! Сидел себе и похихикивал.

– А где Збандуто? – спросила Нина.

– Не знаю, – ответил Сашка. – Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я

закрыв глаза и откинул голову на скамейку.

– Что с тобой, Збандуто? – участливо спросила Нина.

– Он сомлел, – сказал Сашка. – Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

– Воды, – приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. Поэтому, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросила Нина участливо. – Получше?

– Ничего, – сказал я. – Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

– Хорошо, – сказала Нина, – в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

– А теперь, ребята, я вам сообщу новость, – снова торжественно начала Нина. – Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». – Она повернулась ко мне и объявила: – Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех – мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

– Донато! Ха-ха-ха! – закричал Сашка. – Он научит их получать двойки.

– Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

– Надувато! Научи их лупить девчонок!

– Бить окна!..

– Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

– Ну, хватит. Посмеялись – и хватит! – серьезно сказала Нина. – Согласен, Збандуто?

– Нет, – ответил я. – У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

– То ты икаешь, – сказала Нина, – то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори, согласен или нет?

– А что я буду с ними делать? – спросил я.

– Подготовишь в октябрюта, – ответила Нина.

– Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! – выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

– Что здесь смешного? – сказала она. – Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, кото-

рый произнес:

– Я согласен.

– Несчастный Надувато, мне тебя жаль! – Сашка корчился от смеха.

– Может, помолчишь? – спросил я. – А?

– Ну, вот и хорошо, Збандуто, – сказала Нина. – Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

– Можете на меня положиться, – громко ответил я и победно оглядел притихший класс.

– Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, – предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год – три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна. А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке – это поважнее, чем пиццать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести

речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская организация...» Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна.

С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

– «Дорогие ребята! – крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. – Пионерская организация, известная своим благородством...»

– Что-нибудь случилось? – спросила Полина Харитоньевна, отступая.

– Случилось, – ответил я.

– Что? – Полина Харитоньевна всего боялась.

– Меня назначили вожатым! – крикнул я и пролетел мимо нее в комнату, чтобы записать продолжение речи. Она вошла следом за мной:

– Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

– В первый класс «А», – ответил я.

– Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

– Не называйте меня больше Бокой, – попросил я, – я уже не маленький.

– Хорошо, – согласилась Полина Харитоньевна. – Может быть, пообедаешь?

– Нет, – твердо ответил я, – я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

– Мама! – закричал я. – У меня хорошая новость!

– Тише, тише, не кричи так, – попросила она.

– Меня назначили вожатым в первый класс, – с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя

бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

– Только не называй меня больше Бокой, – предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

– Неужели исправится? – долетел до меня голос мамы. – Неужели возьмется за ум?

– А что вы думаете, – ответила Полина Харитоньевна. – Обещал развивать силу воли.

– Боже мой! – вздохнула мама. – Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

– «Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену...» – На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Пред-

ставьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

– А, Бока, – сказала мама. – Может быть, все же пообедаеть?

– Опять «Бока»! – возмутился я. – Это, наконец, надоело.

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался. После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «мужество».

– Борька! – крикнул кто-то за окном. – Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! – подумал я. – Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты».

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным...» – продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет.

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну – мы живем на первом этаже – и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

– Ну, скоро ты? – спросил он.

– Не мешай, – ответил я, – я занят.

– А как же я? – удивился Сашка. – Что же мне делать в полном одиночестве?

– Действительно, – я посмотрел на его постную физиономию, – а как же ты? – и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати широко распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

– Ты куда? – закричала мама. – А как же твоя речь?

– Ничего, – ответил я, – даже министры читают свои речи по бумаге, – и прыгнул вниз.

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас уставились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят – хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розо-

вое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или в сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

– Чего вам надобно, крошки? – спросил Сашка.

– Нам нужен Боря З... – Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию. А вторая ей помогла:

– Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девчонки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

– Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, – переврал я свою фамилию.

– Извините, – сказали девчонки в два голоса. – Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

– Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! – Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

– Перестаньте, – сказала она. – Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

– Послушай, Красная Шапочка... – многозначительно произнес я. – Мы же разговариваем, – отстранил Сашку рукой и сказал: – Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косит глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

– Привет! – крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки. Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно, тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

– Ты что, – взревел он, вскакивая, – обалдел? – и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

– Чего это вы деретесь? – спросила Настя. – А еще друзья!

– У нас дружеская драка, – сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

– Разминка после уроков, – поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

– Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немим восхищением, как на бегемота в зоопарке. Через секунду Настя и Сашка оказались оттесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

– Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

– Пошли в свою тарелку! – крикнул какой-то находчивый малыш.

– Пошли! Пошли! – загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли. На дос-

ке большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

– Ну, это уж слишком, – сказал я и стер надпись. Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал: – «Дорогие ребята! – Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор: – Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за нею тупым взглядом, но поднять не решился.

– «Пионерская организация, всем известная...» – начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

– «Пионерская организация всем известная... – На секунду поднял голову, криво усмехнулся: «Повторенье – мать ученья», и продолжал: —...своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную, мужественную смену...» – Я

умолк окончательно.

– Ура-а-а! – закричал мальчишка с последней парты.

– Не надо, – сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

– Ну, давайте познакомимся, – упавшим голосом сказал я.

На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

– Тебя как зовут? – спросил я одну из них.

– Стрельцова, – ответила она, вставая.

– Фамилий не надо, – предложил я. – По фамилиям скучно. Давайте только имена.

– Зина, – сказала Стрельцова и села.

– А меня Наташа, – сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

– У нас две Наташи! И обе дуры! – выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа хлопала своими пятаками. Видно, собираясь разреветься.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Генка, – ответил он.

– А сколько у вас Генок?

– Трое.

– Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и остро слов Генка тоже. А Наташа устала на меня свои пятки и сказала:

– Нет, только этот... Костиков.

– Значит, ты Генка Костиков? – Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: – А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

– Громче, – попросил я.

– Толя! – вместо него выкрикнул Генка. – Он у нас трус. Как девчонка.

– Тихо, тихо, – сказал я. – Храбрость дело наживное. Садись, Толя. – И повернулся к классу: – Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

– Лена!

– Лена!

– Гена!

– Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

– Сима!

– Коля!

– Леша!

– Шура!

Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже

пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки – с косичками. Мальчишки – с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

– Довольно! – решительно прервал я этот поток имен. – На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием.

Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

– Вот что, ребята, – сказал я, – мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы сфотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Малыши завывали от восторга. Ужас, до чего они были восторженные!

– А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побегим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

– Приготовились! – скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым. – За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к две-

рям все одновременно. Ну, конечно, застряли, и получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного не по себе. Неинтересно их обманывать, они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свожу их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

...Мы играли в футбол. Пятый «В» на пятый «А». Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была принципиальная игра, но дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу чей-то писклявенький зовущий голосок:
– Боря!

Скосил глаза. О боже, возле меня появилось милое видение: та самая первоклашка, у которой глаза как пятаки!

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для задушевной беседы! Она снова окликнула меня:

– Боря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно

вижу впервые:

– Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

– Я Наташа Морозова из первого «А».

– Ну и что? – спросил я.

– Там собака, – ответила она. – Я боюсь, а мне надо домой.

– Ты же видишь, я занят, – возмутился я.

– А я думала, – сказала девчонка, – ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство – лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет, нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле поспевая, бежала Наташка.

Ну, уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

– Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

– У меня папа в Африку уехал, – ответила Наташка.

– Куда? Куда?

– В Африку.

– А ты хоть знаешь, где находится Африка? – спросил я.

– Конечно! – Она рассмеялась: – Я даже стихи про Африку знаю. «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

– И все? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

– Я никогда не вру.

– Совсем? – выскочило у меня.

– Совсем, – ответила Наташка. – Я не умею.

– Не горюй! – Я похлопал ее по спине. – Этому я тебя научу.

– Зачем? – спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

– Я пошутил. Я сам никогда не вру, – сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

– И ты ее испугалась? – возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она

неожиданно оцетинилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

– Вот видишь! – сказала Наташка. – Она кусается. – Взяла меня за руку и крепко прижалась.

– Ну ладно, африканка, – сказал я, – до свиданья.

– Спасибо! – крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги – как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

– Между прочим, – сказал я громко, – здесь ходят маленькие дети.

– Учтем, – ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус, Наташка села в него. Водитель поспешил закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар.

Я подхватил портфель, впрыгнул в троллейбус и позвал:

– Наташка, ты где?

– Я здесь, – ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

– Все из-за тебя! – угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

– А ты чего? – удивился я.

– Здесь мой дом, – сказала она.

– И ты пешком не можешь пройти одну остановку?

– На троллейбусе интересней.

– «Интересней»! – передразнил я ее. Я здорово обозлился.

Я стал стягивать наколенники, а то на меня все оглядывались: они были натянуты поверх брюк.

– А твой дом где? – не унималась Наташка.

– Там... – Я неопределенно махнул рукой и пошел.

– Можно, теперь я тебя провожу? – Она догнала меня.

– Нельзя, – ответил я. – Я возвращаюсь на футбол.

Конечно, когда я прибежал в школу, никакого футбола не было и все разошлись. Я уже собирался уходить, как вдруг вижу, ко мне подбегает Наташка.

– Ты чего вернулась? – спросил я.

– Я хотела узнать, чем кончилась игра, – сказала она. – Кто победил?

– Тоже мне болельщица! – возмутился я.

– Боря, а теперь можно, я тебя провожу?

– Провожай, провожай! – От нее нельзя было отделаться.

Домой мы возвращались вместе. Она оказалась смешной и симпатичной. С ней легко было разговаривать. Ее отец действительно уехал работать в Африку. Он врач. А матери у Наташки нет. Она умерла, когда Наташка была маленькой. И теперь они живут вдвоем с бабушкой, пенсионеркой.

Ну, тут я, чтобы поддержать разговор, сказал, что у меня тоже есть знакомая пенсионерка – тетя Оля.

– Пенсионерка! – повторила радостно Наташка и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

– Все пенсионерки смешные, – объяснила она. – В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Правда, она веселая. Она мне так понравилась, что я разменял еще один рубль из папиной десятки и угостил ее мороженым. Она его лизала медленно, чтобы растянуть удовольствие.

– Боря, – спросила Наташка (она все время поддерживала разговор), – а твой отец куда уехал в командировку? – Улыбнулась и добавила: – Тоже в Африку?

Шутница!

– Нет. В Сибирь. Он живет среди тофаларов.

– А кто такие тофалары? – спросила Наташка.

– Это маленькая народность в Сибири.

– Так это люди, – догадалась Наташка. – А я про них ничего не слышала. А что он там делает?

– Ищет метеорит в тайге.

Мне нравилась эта игра. Она была неиссякаема на вопросы.

– А что такое метеорит? – спросила Наташка.

– Это небесное тело. Может быть, осколок далекой звезды.

– Осколок звезды! – восхищенно прошептала Наташка.

– Он летит к Земле со сверхзвуковой скоростью и так разогревается, что превращается в огненный шар.

– В огненный шар, – повторила она.

Все-таки я ее потряс.

Наташка подняла глаза к небу, надеясь увидеть в нем этот огненный шар, но увидела только солнце. Сощурилась, глаза у нее превратились в щелки, и она спросила:

– Как солнце?

– Нет, – ответил я. – Он маленький. Я вижу, вас надо учить еще да учить.

– Конечно, – согласилась Наташка. – Боря, а ты не знаешь, как спят африканские жирафы?

Ну и девица, что придумала! Я бы мог соврать ей или отшутиться, сказать: «Они спят, задрав кверху копыта» или: «Они спят на земле». Но я честно признался, что не знаю. И самое удивительное – мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное. Уж не заболел ли я?

В это время я заметил Сашку, стоящего возле нашего дома. В руках у него был мяч, он небрежно постукивал им об асфальт. Рядом, около стены, лежали наши портфели.

Я остановился и стал перевязывать шнурки в ботинках, а сам соображал, как отделаться от Наташки. Не хотелось бы, чтобы они сталкивались.

– Иди, – прошипел я, – тебе пора домой.

– Ничего, – успокоила меня Наташка, – я не спешу.

Тогда, все еще завязывая шнурки, я медленно повернулся к Сашке спиной, чтобы уйти.

Я даже прополз несколько шагов на четвереньках, и так, может быть, я бы полз через весь двор, но неожиданно передо мной выросла стена в виде Сашки.

– Ну что? – спросил я беззаботным тоном, делая вид, что Наташка вроде бы не со мной. – Зайдем ко мне?

Собственно, если бы он ответил мне сразу, ничего и не произошло бы, но он так долго обсасывал свой леденец, как будто это было самое важное занятие в мире.

Он сосал леденец и презирал меня. Щеки у него были пунцово-малиновые, и поэтому особенно контрастно выделялся синяк под глазом, который кто-то ему поставил во время игры.

И вот тут-то нетерпеливая Наташка вполне дружески вошла в нашу беседу.

– Какой у вас синяк! – сказала она и заботливо добавила: – Вам надо к врачу.

Сашка ей ничего не ответил и стал кричать, что они проигнули игру из-за меня, потому что я поставил в ворота размазню, что я совсем в последнее время ошалел, что ему противно со мной разговаривать, что я предатель.

– Так вы проиграли, – разочарованно сказала Наташка.

Сашка секунду помолчал и, не поворачиваясь к ней, не вытаскивая изо рта леденца, едва разжимая губы, процедил:

– А ну валяй отсюда, шмокодавка!

Наташка посмотрела на меня, ждала, видно, что я за нее заступлюсь. А я сказал:

– Иди, иди! Тебе пора.

Она повернулась и пошла, медленно так пошла, – может, думала, что я все же ее окликну.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что этот проигрыш для Сашки – большое несчастье. И чтобы как-то его успокоить, кивнул в спину удаляющейся Наташки и сказал: «Вот привязалась!» – но не рассчитал и произнес эти слова слишком громко.

Наташка услышала и, не веря своим ушам, оглянулась. Глаза у нее снова из пятаков превратились в воздушные шары. Два голубых воздушных шара.

Может быть, она с таким предательством никогда не сталкивалась. Только что были верными друзьями, рассказывали друг другу биографии, ели мороженое, смеялись, и на тебе!

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол! Я догнал ее и сказал:

– Спокойно. Я здесь.

Она радостно схватила меня за руку, прижалась и ответила:

– А я с тобой, Боря, даже собак не боюсь. Вот здорово!

Значит, она не обиделась. Действительно, чего на меня обижаться? Подумаешь, что-то не так сказал.

Важно, что сделал.

– Портфель забыл! – крикнул Сашка.

Я вернулся и побежал за портфелем. Когда я подбежал, он расшнуровывал мяч. Я ждал, что он мне еще скажет, а он нахально выпустил воздух из камеры мне в лицо и сказал:

– Воспитатель! – взял портфель и удалился.

– Да ты не волнуйся, – жалким голосом крикнул я ему вслед, – мы их обыграем!

Он не откликнулся.

– Спасибо за портфель, – не сдавался я.

Вот что меня губит, так это жалость и то, что я эмоциональный человек: не раздумывая совершаю разные поступки. Мне бы сейчас надо было перетерпеть, не бросаться Наташке на помощь, а я не выдержал.

А ведь мне Сашка дороже, чем она. У нас одна жизнь, одни идеалы. Нам вместе жить да жить.

А эта пигалица уже стояла опять около меня. Треснуть ее, что ли, по макушке, чтобы отделаться раз и навсегда? Я поднял руку для щелчка, но снова натолкнулся на ее доверчивые, прямодушные глаза и, вместо того чтобы ударить, обнял за плечи.

В этот день я прибежал в школу раньше обычного. В портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу в отставку с высокого поста вожакого, поскольку это мешает моей личной жизни.

И действительно, эти первоклассники одолели меня окон-

чительно. Они мне не дают ни вздохнуть, ни охнуть. Вчера, например, притащился Толя. Лицо серьезное, глаза жалостные. А мы в классе были вдвоем с Сашкой. Сидели на парте и тихо обсуждали проблему Насти.

Дело в том, что накануне Настя и я совершили незабываемую прогулку. Мы бродили по улицам, сидели на скамейке на бульваре, плевали с Крымского моста в воду, за что были обруганы прохожим «верблюдами», выпили две бутылки лимонада и съели по три эскимо.

Правда, мне это дорого обошлось, я истратил еще один папин рубль, но зато было весело.

Теперь придется купить маме подарок поскромнее. В конце концов, дело не в дорогом подарке, а во внимании.

А Сашка, когда узнал о нашей прогулке, покрылся страшной бледностью мертвеца. Эта бледность так долго держалась у него на лице, что я испугался за его здоровье. Вот ревнивец!

Но я открытый человек и не стал скрывать от Сашки свои истинные намерения, а предложил ему начать генеральную битву за Настю. Мы решили оба за ней ухаживать под покровом полнейшей тайны – это было непременно Сашкино условие, – пока она не полюбит кого-нибудь из нас. Победенный гордо удалится.

Ну вот, сидим мы, значит, и шепчемся о Насте, и вдруг входит Толя. А Сашка как раз расспрашивал меня во всех подробностях о нашей прогулке, ему интересно. И поэтому

он когда увидел Толю, то закричал на него. А я вскочил на подоконник и стал открывать форточку, будто бы чтобы проветрить класс.

Я подумал: может быть, Сашка его выгонит, но уже через секунду почувствовал, как кто-то тянет мою штанину. Ах, так? Ну пожалуйста! Я спрыгнул с подоконника, вытащил заявление и поднес к Толиному носу. Он мне ответил, что такие буквы читать не умеет. Тогда я ему объяснил, что не буду больше у них вожатым, потому что это мешает моей личной жизни.

Он это выслушал, но не ушел. Стоял, как-то странно сжавшись, засунув руки глубоко в карманы.

– Ну, что тебе? – спросил я.

– По секрету, – тихо ответил Толя.

Я нагнулся к нему, меня опять подвела жалость, и он, прижав губы к моему уху, прошептал свой секрет. Оказалось, он не умеет сам застегивать брюки. Я же говорю, с ума сойти можно от этих младенцев! Хотел ему тут же застегнуть брюки, но он кивнул на Сашку.

– Сашка, – попросил я, – выйди на минуту.

Сашка долго кривлялся и не хотел выходить, а потом вышел и, видно, рассказал нашим ребятам, потому что именно в тот момент, когда я застегивал Толе брюки, появилась Настя.

– Боже, – пропела она, – какая трогательная картина! Збандуто, ты просто создан для работы в яслях.

Я вскочил и стал подталкивать Толю к выходу, а он, наивная душа, решил мне помочь и сказал Насте:

– Там петельки маленькие. У меня ничего не получается. Вот тут уж начался хохот.

Между прочим, во время нашей прогулки с Настей выяснилось, что она, как и Сашка, считает, что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с первоклассниками. Мне это показалось странным: ведь когда меня назначали вожаком, она говорила противоположное. Оказалось, тогда она шутила! А я на эту шутку клюнул и теперь жестоко расплачивался.

В общем, только я отделался от Толи и показал Насте свое заявление и она меня похвалила и сказала, что я решительный человек, как прибежала Зина Стрельцова, тоже, естественно, первоклассница, с криком, что Генка Костиков убивает Гогу Бунятова и вот-вот выбросит его в окно.

Ну, конечно, я понимал, что ничего страшного в этом нет, когда мальчишки дерутся, и даже если какой-то Генка выбросит какого-то Гогу из окна, тоже ничего не случится – они ведь учатся на первом этаже.

Но потом я почему-то не вытерпел и незаметно выскользнул из класса, чтобы Сашка и Настя не догадались.

И представьте, не зря. Когда я прибежал в первый «А», то Генка Костиков на виду у всех продолжал дубасить неуклюжего толстяка Гогу Бунятова. Тот, видите ли, обозвал Генку «дворником», потому что он помогал матери подметать

улицу.

По-моему, Генка лупил его за дело, и поэтому я растащил их не сразу, а когда Гога стал уж очень вопить.

– Что же ты? – сказал я Гоге. – Разве не знаешь, что все люди равны?

– Знаю, – ответил Гога. – Он первый начал дразниться «толстяком» и хлопнул меня по животу. А я крикнул на него без злобы, а он стал меня дубасить.

Тут мои воспоминания были прерваны, потому что в пионерскую комнату, в которой я сидел и ждал Нину, чтобы вручить ей заявление об отставке, вошла Наташка.

Я подскочил на стуле и сказал себе: «Осторожно, преследование продолжается». Тем более что за Наташкой боком протиснулись Толя и Гога.

– Привет! – изображая радость, сказал я. Они недружно ответили. Конечно, они пришли из-за меня к Нине, а тут я, собственной персоной.

– Ты Нину ждешь? – спросила находчивая Наташка.

– Нину, – ответил я. – А что?

– Ничего, – ответила Наташка. А у самой голос задрожал, но она все же нашла в себе мужество сознаться: – И мы к Нине.

Они стояли рядом, напротив меня, и не знали, что делать.

– Садись, – сказал я. – Будем ждать вместе.

– Конечно, – сказал Толя. – Вместе всегда веселей. – И

взгрозоздился на стул. Наташка с Гогой тоже сели.

Помолчали. Они за мной следили исподтишка, но я все прекрасно видел: как они переглядывались, как ободряли друг друга, как подталкивали для беседы.

– А у меня зуб больше не болит, – сказал Гога.

Дело в том, что я его вчера водил к зубному врачу.

У них там дома все были заняты. Я хотел спросить у Гоги, отчего это он так вопил у врача, потом решил, что при всех не стоит.

– Боря, а как ты думаешь, Нина скоро придет? – спросила Наташка. – А то я сегодня дежурная.

– Не знаю, – ответил я.

Я стал их рассматривать, и под моим взглядом они перестали подталкивать друг друга – сидели не шевелясь. До чего же у них были смешные лица! Нет, правда. Вы когда-нибудь попробуйте, всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице.

– Боря, а может быть, ты передумал? – спросила Наташка.

– Ничего я не передумал, – ответил я.

А сам действительно испугался, что могу передумать, и стал себя растравлять и вспоминать, как я из-за них был неоднократно унижен. Они из меня сделали няньку: и брюки я им застегивал, и к зубному врачу водил. А вчера еще в добавление ко всему пришлось зашивать Наташке платье: она его разодрала на одном месте, села на гвоздь.

Тут я почувствовал, что погибаю, ибо все эти воспоминания не вызывали во мне ни протеста, ни негодования. Я вскочил, чтобы обратиться в бегство, но Наташка, хитрая душа, все поняла и тоже вскочила.

— Ты куда? — спросила она и загородила мне дорогу. В это время, на мое счастье, в комнату вошла Нина, и я протянул ей заявление. Все произошло в одну секунду, никто не успел опомниться, а Нина уже держала заявление в руке и читала.

— Так, — сказала она. — А вы чего, ребята?

Они промолчали.

— Ах, да, — сказала Нина, она их узнала. — Идите, идите. Я сама разберусь. — Проводила до дверей и вернулась ко мне: — Так. Значит, работа водителя мешает твоей личной жизни?

— Интересы у меня совсем другие, — ответил я.

— Знаю я твои интересы: в футбол гонять вместе со Смолиным.

— Неправда, — возразил я. — Мы в кино ходим, и книги читаем, и всякое прочее.

— Они сюда пришли из-за тебя, — сказала она, — а ты «всякое прочее», «мешают личной жизни»! Ты вот за все это время ничего для них не придумал.

— Почему? — возразил я. — Я придумал. Надо отвести их в автоматическую фотографию.

— Зачем? — Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

— Они там сфотографируются, а потом эти снимки можно

будет наклеить в толстую тетрадь. Ты передай это новому водителю, – великодушно предложил я, – пусть он их отведет.

– А зачем? – снова спросила Нина.

Кажется, произошла осечка. Она ничего не поняла.

– Фотография ведь автоматическая, работает без фотографа. Детям будет интересно: можно любые рожи корчить.

– Знаешь, Збандуто, хорошо, что ты подал заявление, – сказала Нина. – Нет в тебе гармонии. И выдумки твои нелепые.

– Так ведь они люди двадцать первого века, – сказал я. – Им технику и автоматику подавай.

Она не ответила, видно, забыла про меня. Склонилась над листом бумаги и чертила мужское лицо с бородкой.

– Так я пойду, – сказал я.

– А, это ты, – спохватилась она. – Ну ладно, найдем тебе замену.

А после уроков, когда мы с Сашкой заскочили в раздевалку за куртками, произошло новое событие. К Насте, которая прихорашивалась около зеркала, подошла Наташка. Я первый ее заметил и остановил Сашку. Мы спрятались между пальто. И вот тут-то и услышали этот странный разговор.

– Ты чего, малышка? – спросила Настя у Наташки. До нас долетало каждое слово.

– Мне с вами поговорить надо, – ответила Наташка.

– О чем? – спросила Настя. – Пожалуйста. – А сама продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

– Вы слышали, от нас Боря уходит? – произнесла Наташка, как будто это какое-то космическое событие.

– Ну и что? – спросила Настя.

– А вы скажите ему, чтобы он не уходил, – попросила Наташка.

– Ты думаешь, он меня послушает?

– Вы на него имеете влияние, – сказала Наташка.

– Почему? – удивилась Настя и посмотрела в мою сторону.

Она говорила все время громко и играла в такую наивную-наивную девочку.

– Вы красивая, – сказала Наташка. – А красивые на всех имеют влияние!

Последние слова Наташки, видно, понравились Насте, потому что она ответила:

– Хорошо... Я ему передам. Так что спи спокойно, малышка.

– Спасибо, – сказала Наташка и выбежала. Мы вышли из раздевалки.

Настя уже сидела в вестибюле, нога на ногу, в нетерпеливом ожидании.

– Ну, пошли! – сказала она, вставая.

– Есть предложение поехать на Ленинские горы! – заорал Сашка.

А я вдруг, сам не знаю почему, бросил портфель на стул и крикнул:

– Подождите! Сейчас!

Стремительно взбежал я по лестнице, влетел в пустой первый «А», подошел к доске и написал:

ЗАВТРА ПОСЛЕ УРОКОВ ИДЕМ
ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ.

Борис

И повернулся, чтобы бежать вниз, к Нас-те и Сашке, но вместо этого прошелся между партами.

На полу валялась ленточка, какая-то девчонка обронила. Поднял эту ленточку. Постоял. Мне здесь было хорошо. И все нравилось: и маленькие парты, и неумелые рисунки на доске, и эта ленточка, которую я держал в руке.

– Ну вот я и вернулся, – тихо сказал я.

Подошел к парте, за которой «сидел» Толя.

– Как сидишь! – закричал я на него. – Опять сгорбился? Нехорошо. – И «стукнул» его по спине.

Тишина пустого класса не смущала меня. Я снова шагал между партами, пристально «вглядываясь» в лица ребят.

– А ты чего плачешь? – спросил я Зину Стрельцову. – Кляксы посадила? Не страшно. Все мы с этого начинали.

Подскочил к Генке:

– Срам! Ты же будущий космонавт, а в носу ковыряешь!

Тут я заметил Гогу Бунятова:

– А ты! Не стыдно? Ты достоин презрения! Дразнить товарища за то, что он вместе с матерью подметает улицу! Ты

что, не знаешь, что «мамы разные нужны, мамы всякие важны»? Да, по-моему, вы без меня пропадете. Сколько еще у вас недостатков! Решено, я остаюсь навсегда!..

Когда я спустился в вестибюль, Насти и Сашки не было. На стуле одиноко лежал мой портфель.

А на следующий день я снова прибежал в школу раньше всех, чтобы Нина не успела назначить к моим первоклассникам нового водителя. Выхватил у нее обратно заявление и на радостях влетел в класс, размышляя о том, как поведу детей фотографироваться.

В классе в полном одиночестве сидела Настя. От неожиданности я замер. А она встала мне навстречу. Помню, я еще успел подумать: «Да, ревнивец Сашка, проспал ты свое счастье». И точно, она пригласила меня пойти после школы в кино. А я молчал и чувствовал, что бледнею, бледнею, как Сашка во время припадков ревности, потому что знал, что должен ей отказать.

– Чего же ты молчишь? – спросила она.

– Я веду своих ребят фотографироваться.

– Подумаешь! – сказала она. – В другой раз сводишь. Обещанного три года ждут.

– Не могу, – твердо ответил я и еще больше побледнел.

– Ох, надоел ты мне со своим детским садом! – сказала она.

...Когда я выводил ребят из школы, то увидел Сашку и Настю, шагающих впереди нас. И они увидели нас и остано-

вились. А ребята галдели, как десять тысяч воробьев, и не замечали ни Сашки, ни Насти.

Я сделал вид, что не вижу их, но Настя помахала мне:

– Мы в кино.

– Попутного ветра Гулливеро в сопровождении Лилипу-то! – крикнул самодовольный Сашка и захохотал.

Конечно, со стороны мы представляли довольно смешную картину: я долговязый, рост сто шестьдесят, а детишки мне по пояс. Но представьте, Сашкины слова меня нисколько не задели. Я привык, что он не разбирается в средствах борьбы. То он мне вылил за шиворот полграфина воды, то на истории нарочно подсказал неправильную дату.

А сегодня вообще где-то раздобыл старый ночной горшок и поставил мне. Я не заметил и сел. Все давились от смеха, а я обиделся на Сашку, чуть не заревел и, чтобы скрыть это, стал паясничать и напялил себе этот горшок на голову, за что был выгнан с урока.

Я благородный человек и не мстительный, я не обижаюсь на Сашку за то, что он все время пытается меня унижить. Я все равно люблю Сашку, он мой лучший друг. Может, и он когда-нибудь поймет это.

Зато малыши, когда увидели Сашку и Настю, поутихли и затаились. Догадливые. А Наташка спросила:

– Боря, может быть, ты пойдешь в кино? Мы можем сфотографироваться завтра.

Я ей ничего не ответил, только весело подмигнул. А ее

глаза сначала превратились в пятаки, потом в воздушные шары, а потом... Нет, вы только представьте – она тоже подмигнула мне! Ну и девчонка, соль с перцем!

А потом началось настоящее веселье. Действительно, автоматическая фотография – великолепная вещь!

Генка, отчаянная голова, снялся с оскаленными зубами. Толя прилепил к подбородку обрывок газеты. Зина Стрельцова высунула язык.

Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знаю: если смешно, тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

– Сейчас пойдем есть мороженое. Из стаканчиков.

– Ура! Ура! – закричали все.

– А мне мороженого нельзя, – сказал Толя. – Я болел ангиной.

– Жаль, – ответил я.

У Толи сразу испортилось настроение. Это было заметно.

– Ну что ж, полная солидарность: мороженое есть не будем, купим пирожки с повидлом.

– А что такое «полная солидарность»? – спросил Гога.

– Это когда один за всех и все за одного, – сказал я.

– Полная солидарность! – обрадовался Толя.

И все малыши дружно закричали:

– Полная солидарность, полная солидарность!

А когда стали покупать пирожки, я увидел, что Генка и еще несколько ребят отошли в сторону и стали внимательно рассматривать на витрине тульские самовары. Точно их с самого рождения интересовали только самовары и всякие там узоры на них.

Ясно: у них не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежал остаток от известной десятки. И я принял единственно верное решение. Вытащил из кармана рубль, подошел к продавщице пирожков, купил десять штук и сказал ребятам, этим любителям самоваров:

– А ну, налетайте!

Они отвернулись, как будто не поняли, такие гордые окказались.

– Ребята! – повторил я. – Ну, чего же вы? Налетайте!

Сначала подошел Генка и вроде нехотя взял пирожок.

За ним потянулись остальные. Каждому ведь хотелось съесть пирожок. Последний я взял себе.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь.

Она стала как живая. Интересно было ее перелистывать...

Скандал получился неожиданный и грандиозный. Меня вдруг решили с треском снять с должности вожакого.

Как-то после уроков прибежала взволнованная Нина и сказала, чтобы я больше не смел ходить к первоклашкам. Она отошла к учительскому столу и крикнула мне оттуда:

– Ты слышал, я тебе это категорически запрещаю!

– А мы сегодня идем в цирк, – сказал я.

– Никаких цирков! – сказала Нина и погрозила мне пальцем.

– Недолго ты царствовал, – сказал Сашка.

И действительно, недолго.

Все, конечно, заахали и заохали и стали ко мне приставать с расспросами, но, честное слово, я сам не знал ничего. Тогда они привязались к Нине, и она ответила, что сейчас они узнают и закачаются, какой я тип.

Нина рассказала про все мои дела, перечисляя их долго, подробно и противно. И добавила, что я влияю дурно на детей, сею между ними вражду и смуту.

Это потому, что я сказал одной девчонке, что нехорошо ябедничать, а она спросила меня, что это такое, а я ей объяснил, и теперь ее все дразнят ябедой.

Тут я не выдержал, прервал плавную речь Нины и крикнул:

– Зато она больше не ябедничает. Успех достигнут!

Но она не обратила на мои слова никакого внимания и заявила, что совет дружины отстранил меня от должности вожатого...

В этот момент открылась классная дверь, и в проеме появилась секретарь директора, сама Розалия Семеновна, которую вся школа зовет «Чайная Роза», хотя, конечно, никто из наших ребят никогда не удостоивался ее взгляда. Ну, когда она появилась в дверях, Нина сразу забыла, что еще там

решил про меня совет дружины, и уставилась на Чайную Розу.

– Кто здесь Збандуто? – Она даже не переврала мою фамилию.

– Я.

– К директору, – сказала Чайная Роза. – И вы, Нина, тоже. Она не ушла, а продолжала стоять в дверях, пока я собирался. Никто мне ничего не сказал вслед и никто не сострил, потому что все поняли: дела мои плохи.

На всякий случай я захватил с собой тетрадь с фотографиями – как ни плохи дела, а терять самообладание нельзя – и прошмыгнул мимо Чайной Розы летучей мышью: ни одна складка на ее платье не дрогнула.

Нина прошла к директору, а я остался ждать в секретарской вместе с Чайной Розой.

Странно, но у меня в жизни почему-то все получается наоборот. Когда я хотел уйти от первоклашек, когда они мне были безразличны, меня не отпускали, но как только мы по-настоящему подружились, – на тебе!

А дело было ерундовое.

Генка подсунил Гоге живую ящерицу. Гога перекинул ее Наташке, а Наташка подбросила в парту Стрельцовой. Та сунула руку в парту, натолкнулась на ящерицу и как завопит: «Спасите, спасите! У меня в парте мышь! Она меня укусила!»

Ну, учительница влезла в парту, достала ящерицу и отнес-

ла в ботанический кабинет.

И ничего страшного не произошло бы, если бы не я!

Когда Наташка рассказала мне об этом случае, я возмутился и заявил, что мне надоела их трусость, что пора это преодолеть. А то одни боятся собак, другие – ящериц, третьи ни у кого ничего не могут спросить. Это не ребята, а какое-то сборище трусов! И я решил их перевоспитать. Пригласил к себе, когда мамы не было дома, и устроил тренировку по закаливанию нервной системы.

Они сидели в одной комнате, а в другой был погашен свет. Там было темным-темно. Я сказал, что буду магом, волшебником и великим врачевателем, который их спасет навсегда от трусости и дрожания.

Я ушел в темную комнату и стал их по очереди вызывать.

Каждый из них должен был войти в темную комнату и побыть там несколько минут, а я в это время издавал ужасные стоны и вопли (я для этого специально прослушал пластинку Имы Сумак¹).

Значит, я так кричал, а сам подходил к жертве и прикладывал ей к руке или к лицу какой-нибудь предмет: ложку или щетку.

Это называется «психотерапия». Между прочим, вполне научный метод. Если жертва выдерживала все испытания, то я радостно объявлял ей, что она теперь никогда и ничего не будет бояться: ни собак, ни кошек, ни ящериц, ни темных

---

¹ Има Сумак – перуанская и американская певица (*прим. ред.*).

улиц, и так далее, и так далее.

В общем, все шло хорошо, и вдруг Зина Стрельцова, войдя в темную комнату, не выдержала и завопила. Она пустилась наутек, грохнулась и разбила себе колено.

Ну, я, конечно, зажег свет, и мы стали дружно ее успокаивать и доуспокаивали до того, что она согласилась повторить опыт, точнее, не согласилась, а сама попросила и выдержала его достойно.

Но потом Зина пришла домой и рассказала все матери. А та еле дождалась утра, прилетела к нашему директору и стала кричать, что она забирает своего ребенка из класса, где появился какой-то ненормальный вожатый, который хочет из детей сделать инвалидов.

Ну, директор не заступился за меня, потому что мы с ним не были знакомы. А жаль, я бы ему объяснил, в чем дело. А он просто пригласил Нину, и Стрельцова-старшая при ней повторила всю историю и добавила нехстати еще две другие.

Эти истории случились в самом начале, когда я был еще неопытным вожатым и часто терял над собой контроль, увлекаясь чем-нибудь.

Я тогда ходил по домам первоклассников, чтобы поближе познакомиться с их жизнью. Мне нравилось так ходить: везде мне были рады, угощали обедами, советовались, как лучше воспитывать детей, рассказывали про свою жизнь.

И вот как-то я пришел к Толе. Он был один дома и угостил меня чаем.

Мы пили чай из красивых золотых чашек, только Толя пил из маленькой чашки, а я из большой.

Ну, я и разбил свою чашку – зацепил как-то неловко и уронил на пол. Я не придавал этому большого значения – кто из нас не бил чашек! – и не понял, почему Толя так испугался. Я решил, что он просто пугливый. А на самом деле все оказалось не так просто.

Толя из большого уважения ко мне угощал меня чаем из папиных коллекционных чашек. А я-то ничего не знал и, когда уходил, осколки эти унес. Хотел выбросить, только на одном осколке был нарисован красивый замок, так что я все осколки выбросил, а замок оставил.

А Толя дома чашки так переставил, чтобы не видно было исчезновения одной из них. Но Толин папа все-таки заметил, схватил Толю и с криком: «Что ты наделал, негодник!» – стал его так трясти, что Толина мама испугалась, что он отрясет у Толи голову, и вырвала сына из рук мужа. Тогда Толин папа упал на диван и перестал со всеми разговаривать, потом вскочил, схватил Толю и приволок ко мне.

Он совершенно обезумел и хотел узнать, куда я выбросил осколки его любимой чашки.

Я сначала не мог понять, как это из-за чашки так можно страдать.

«Я вам куплю сто таких чашек», – сказал я ему.

И что же вы думаете? После моих слов он сразу успокоился. Посмотрел на меня унылым взглядом, покачал растре-

панной головой и произнес с жалостью:

«Невежда, глупец! Не обижайся на меня, я не хочу тебя оскорбить, я просто говорю тебе, кто ты есть на самом деле. Ты купишь сто таких чашек?! А знаешь ли ты, несчастный, что их всего было сделано в восемнадцатом веке пять штук. Пять штук! Одна хранится в музее в Ленинграде, вторая – у двоюродной праправнучки самого Ломоносова, – голос его звучал трагически тихо, – третья вывезена за границу беглым лакеем князя Юсупова и продана там банкиру Ротшильду, четвертая пропала без вести, а пятая была у меня. И об этом знает весь мир!»

Совершенно потрясенный я достал осколок чашки с изображением дворца и протянул ему. Он взял, поблагодарил меня – какой благородный человек! – и ушел.

Эта история очень взбудоражила Стрельцову-мамашу, потому что она вообще относилась ко мне подозрительно, с тех пор как я посетил их дом. А сначала она была мне рада.

Однажды трое взрослых Стрельцовых – бабушка и родители – собирались в кино и боялись оставлять Зину одну дома. А тут я пришел, и они спокойно ушли.

Зина тут же позвонила Наташке и Толе, и они прибежали.

Нам было весело, они мне всякие истории рассказывали, главным образом про маленьких детей, а это всегда смешно, и анекдоты. Про мальчишку, который захотел на улице по-маленькому и подошел к милиционеру, чтобы спросить, где найти уборную. А милиционер долго-долго ему рассказывал,

и вдруг мальчишка прервал его и сказал: «Спасибо, уже не надо». Ох, и хохотали они! Я думал, они от хохота лопнут.

Потом Зина зачем-то напаялила на себя мамину юбку, такую желтую-желтую, и красовалась перед Наташкой. А Толя в это время хлопал мячом об пол.

На беду, Зинина бабушка не признает современных шариковых ручек и пишет письма химическими чернилами, и ее пузатая старомодная чернильница стояла на столе. Ну, в общем, Толя хлопал об пол, пока не перевернул чернильницу.

Но самое главное не в этом, не в том, что он перевернул чернильницу и залил всю клеенку чернилами... Нет, самое главное началось потом, когда мы обнаружили на прекрасной юбке Зининой мамы чернильное пятно с горошину.

Вот тут-то и началась паника. Ну скажите, как на моем месте поступил бы каждый взрослый человек, когда видит неопытных детей, да еще своих воспитанников, в страхе и ужасе? Конечно, постарался бы им помочь. Точно так поступил и я.

По моему предложению мы решили перекрасить юбку в другой цвет, чтобы скрыть чернильное пятно, с одной стороны, и сделать Зининой маме сюрприз – с другой. Ведь у нее фактически должна была появиться новая юбка!

Ребята были в восторге от моего предложения. Они никогда в жизни ничего не красили. Наташка визжала, Толя прыгал, как гуттаперчевый мальчик.

Да, это был полный восторг, полное взаимопонимание и дружба. Правда, меньше всех восторгалась Зина, потому что юбка принадлежала ее маме.

Мы перекрасили юбку в вишневый цвет – пятно стало золотистым. Мы перекрасили ее в коричневый – пятно стало черным. Вот что значит пользоваться старыми чернилами: их даже краска не берет. Тогда я предложил для симметрии поставить на юбке несколько горошин, но Зина почему-то отказалась.

С той поры наши отношения со Стрельцовой-старшей осложнились. Она отчитала меня по телефону, нажаловалась моей маме. А теперь прибежала к директору.

Вот тут-то директор и вызвал Нину для разговора.

Нина попробовала меня защитить, но Стрельцова-старшая все твердила: «Он ненормальный, он ненормальный». Тут, правда, директор ее оборвал: «Может быть, он в жога-тые не годится, но он совершенно нормальный» – и попро-сил Нину принести ему наш классный журнал, чтобы дока-зать Стрельцовой, насколько я нормальный: дескать, я вам сейчас покажу, как он учится.

А накануне я сразу в один день получил пять двоек. Я узнал, что Насте Монаховой поручено подтягивать отстаю-щих. Вот я и решил превратиться в отстающего, чтобы она меня подтягивала. Если бы я получил одну двойку или две, это могло бы не произвести впечатления, поэтому я и полу-чил сразу пять двоек.

Думаете, это легко? Целый день я был в страшном напряжении: во-первых, боялся, что меня не вызовут, а во-вторых, что вместо двойки какой-нибудь сердобольный учитель влепит мне тройку. Никто, разумеется, не догадался, кроме Сашки, куда я клоню, но, когда наша классная заявила, что я теперь буду заниматься с Настей как самый отстающий, он вновь покрывшись бледностью мертвеца.

При этом Сашка сказал, что, хотя у него двоек нет, он будет вместе со мной ходить на занятия к Насте, чтобы у нас были равные условия для борьбы.

Так вот, значит, когда директор увидел, что у меня пять двоек, он возмутился: «Где вы нашли такого шалопая? (Шалопай – это я.) Неужели нельзя было подобрать в вожатые хороших, смысленных ребят, у которых есть чувство ответственности?» И тут он, как рассказывала потом Нина, схватился за голову и простонал: «Постойте, постойте... Збандуто?! Мы же получили на него письмо из милиции!» Он вызвал Чайную Розу, и она принесла это письмо.

Дело в том, что меня вывели со скандалом из бассейна. Я там был на соревнованиях и засвистел в два пальца.

Рядом оказался милиционер – они всегда появляются рядом в неподходящее время, – тяп меня за плечо. Я возмутился, стал брыкаться и кричать. Он меня вывел и еще не поленился настрочить письмо в школу.

А почему я засвистел, он не попытался узнать. Вы заметили, во всей этой истории никто не посмотрел в корень. Я

бы никогда, вы слышите, никогда не стал бы свистеть просто так. У меня для этого были веские основания.

На соревнованиях выступал один пловец, которого мне необходимо было освистать, чтобы выразить свое отношение к нему.

Все началось с того, что я решил сделать из своих первокурсников пловцов. Ну, во-первых, потому, что их надо было закалять физически, а то у них вечные ангины и гриппы, во-вторых, этим видом спорта можно заниматься с детства, а в-третьих, всем известно, что с плаванием у нас в стране не все в порядке.

Кто знает, думал я, может быть, из этих детей вырастут рекордсмены страны или мира!

Вот почему мы попали в бассейн. Нас сначала туда не пускали, и я вынужден был долго кричать, что я вожатый и мы не позволим срывать общественное мероприятие. И тут появился этот впоследствии освистанный мною пловец и велел нас пропустить. Он привел нас в раздевалку и приказал раздеваться и выстроиться по росту. Дети, конечно, запищали и захихикали. А он их так резко оборвал:

«Быстро. У меня нет времени».

Как будто только у него нет времени! Сейчас у всех нет свободного времени. У меня его тоже нет ни секунды, но я ведь об этом не кричу и никого не пугаю голосом. Я вот пришел в бассейн, а в это время Сашка, может быть, прогуливается с Настей и тем самым губит мою личную жизнь.

Пришлось мне самому раздеться, чтобы показать пример, да еще им помочь, потому что эти дети, эти несчастные малыши, и раздеваться-то еще как следует не умеют. То они запутывались в собственных платьях, то, снимая чулки, грохались на пол. В общем, повозился я с ними.

Я так подробно обо всем рассказываю, чтобы вы поняли, что я действительно ни в чем не виноват, более того, – я просто боролся за справедливость. Если хотите, я обязан был это сделать в воспитательных целях, ради детей, которые сидели рядом со мной и знали, какой несправедливый человек этот пловец. И они меня дружно поддержали.

Они разделись, сбились стайкой около меня и дрожали. Холодно им и непривычно. Смешные они: худенькие, тоненькие, ноги длинные, спичками. Как они на них ходят, непонятно.

Я улыбнулся тренеру (еще тогда не знал, что он такой зверь) и подмигнул: смотрите, мол, какие смешные дети, настоящие страусята.

А он в ответ мрачно заорал: «Построиться по росту! Живо!» Вот тут контакт между нами окончательно был утерян. Не люблю я, когда кричат и когда не улыбаются в ответ на твою улыбку.

После того как мы выстроились, он сказал мне: «Выходи из строя. Староват для плавания. И грудная клетка узковата». Он больно щелкнул меня пальцем по ключице.

Я чуть не упал от неожиданности. Сказать такое при де-

тях!

«Что вы! — возмутилась Наташка. — Боря у нас лучший вратарь в школе!»

А он продолжал осмотр: измерял малышам грудную клетку, ощупывал ноги и руки. Потом заявил, что из всей компании берет только одну девочку: Зину Стрельцову.

Тут я не выдержал и высказал ему все, что было на душе. Я ему сказал, что дело у них поставлено плохо. А когда он меня спросил: «Почему плохо?», я ему ответил: «На международных состязаниях проигрываете, а когда к вам приходит пополнение в самом расцвете, то выгоняете». После этого наступила тишина, и он сделал шаг в мою сторону. Но нас так легко не испугаешь. Малыши создали вокруг меня надежный заслон. Попробуй прорвись через них. Так он ничего мне и не ответил. А что ответишь, когда это чистейшая правда.

Вот после этого разговора мы и остались на показательное соревнование, и я прославился на них своим свистом, и меня схватил милиционер.

Кругом закричали: «Безобразие, хулиган! Еще школьник, а уже шпана... И такому детей доверили!»

Только одна женщина, между прочим красивая, сказала: «А что он такое сделал? Просто погорячился».

Но милиционер не стал ее слушать и уволок меня в отделение.

В этот момент мои славные воспоминания были прерваны

неожиданным событием: дверь в канцелярию открылась, и на пороге появилась целая стая моих первоклашек.

Не успел я выставить их обратно, как Наташка, минуя меня, вырвалась вперед. Я схватил ее за шиворот, но она топорливо, задыхаясь, успела прохрипеть:

– Здравствуйте, Чайная Роза!

От такого неожиданного обращения я выпустил Наташку. Она, конечно, это наивное дитя двадцать первого века, не догадывалась, что Чайная Роза не имя, а прозвище.

– Сейчас же уходите! – прошипел я, не разжимая губ и наступая на детей.

– В чем дело? – строго спросила Чайная Роза. – Что случилось?

– Нам нужно к товарищу директору, – сказала Наташка и шагнула через порог.

Все остальные тоже решительно шагнули за ней, молча, тихо, подталкивая друг друга.

Вы бы видели их лица! Это были настоящие герои, отчаянные люди с горящими глазами. Им ничего не было страшно, они не испугались даже Чайной Розы, хотя перед нею трепетала вся школа. Они спокойно выдержали ее взгляд. Нет, не зря я занимался с ними психотерапией.

И что же вы думаете? Эта строгая-престрогая Чайная Роза провела их к директору.

Она оставила открытой дверь, и я на всю жизнь запомнил начало этого великого, неповторимого разговора.

– Ну, в чем дело? – услышал я скрипучий мужской голос. Это был, конечно, директор, это был его голос, который любого храбреца в одну секунду превращал в кроткую овечку. Ну, конечно, и среди детей сразу произошла заминка, и я уже испугался, что их сейчас выставят обратно, но тут раздался громкий, заливисто-звонкий голос Наташки:

– Мы пришли из-за Бори Збандуто. Он наш вожатый. Мы пришли его защищать.

Правда, она молодец? Я еще никогда не встречал такой отчаянной девчонки.

– Это он вас прислал? – спросил директор.

«Он» – это, значит, я.

– Нет, – ответила Наташка.

– А ты не врешь?

Вот этого ему не надо было говорить, это он сказал зря. Плохо он разбирался в своих учениках: Наташку обозвать вруньей!

– Я никогда не вру, – сказала Наташка.

Наступила длинная пауза, во время которой директор долго кашлял. Потом он наконец собрался с силами и спросил:

– А чем вы его собираетесь защищать, хотел бы я знать? Какими делами он себя еще прославил?

– У нас есть козырь, – ответила Наташка.

– Какой еще козырь?

– Он спас жизнь одному мальчику. На моих глазах. Выта-

шил его из реки.

В это время Чайная Роза вышла из кабинета, плотно прикрыла дверь, и голоса пропали. Точно она не хотела, чтобы я услышал, как меня будут хвалить.

Все-таки Наташка потрясающая девица. Она буквально во все верила. Подумать только – я спас мальчишку!

Это произошло во время нашей совместной прогулки, помните, в тот день, когда она ко мне пристала и увела с футбола.

Какой-то мальчишка в полном одиночестве стоял на берегу реки и бросал в воду камни. И меня это пронзило. С какой стати, думаю, он стоит один? Я пристроился к нему и тоже стал бросать камни. Я брошу. Он бросит. Мы стояли рядом, а наши камни летели параллельно.

А Наташка крикнула: «А мы дальше, а мы сильнее!»

Мальчишка был забавный. Он пренебрежительно фыркнул, выбрал камень потяжелее, отошел от кромки воды – а там набережная была высотой в метр, – разбежался... и, не удержавшись, плюхнулся в воду.

Я помог ему выйти, там было неглубоко, мне по колено, а ему по пояс. Только промокли, и все. А Наташка начала кричать, что я храбрый, что она ни разу в жизни не встречала такого храбреца, и еще успела шепнуть мальчишке, что я их вожатый. Вот и все спасение утопающего.

Странно, до чего я люблю вспоминать про этих мальчишек и девчонок, я про них всегда все помню. Может быть,

действительно права Стрельцова-старшая и я какой-нибудь ненормальный?

Как только первоклашки вышли от директора, тут же позвали меня. Мы встретились с ними в дверях. Они прошли мимо серьезные, сосредоточенные, и каждый из них дотронулся до моей руки. В общем, они знали толк в человеческой поддержке и подзарядили меня теплотой своих рук.

Я же говорю, что они необыкновенные дети, из двадцать первого века. В них есть какая-то новая сила.

В кабинете директора, кроме Нины, сидела моя мама! Вот до чего дошло. Но им теперь уже было не свалить меня.

Я остановился у двери и посмотрел на директора. Он был похож на моржа. У него большая круглая лысая голова и седые усы.

– Ну-ка, подойди, подойди, – проскрипел он.

Я сделал несколько шагов вперед.

– Еще поближе. Я хочу понять, что ты за птица.

Он долго рассматривал меня, как какой-нибудь врач, изучающий больного. Даже взял за плечо и крепко его сдавил.

– А что это у тебя в руке? – спросил он и, не дожидаясь ответа, взял у меня тетрадь и стал ее перелистывать.

Видно, она ему понравилась, потому что он поджимал губы, чтобы незаметно было, что он смеется. Затем вернул мне тетрадь и сказал:

– Говорят, за тебя поручилась твоя родственница, Ольга Александровна Воскресенская. Она, конечно, восторженная

особа, я ее давно знаю. – Потом повернулся к Нине и добавил неожиданно: – Ладно, пусть остается, раз они пришли за ним сами.

Но на этом события дня не закончились. Мне пришлось встретиться со Стрельцовой-старшей еще раз.

Мы собрались возле школы, чтобы идти в цирк.

А Генка и Зина почему-то не явились. Холодно было ждать. Шел мокрый снег.

– Зина не придет, – сказал кто-то. – Ее мама не пустила. У нее тренировка в бассейне.

– А что же с Генкой случилось? – спросил я. – Может, он тоже не придет?

– Генка в цирке ни разу не был, – сказал Толя. Мы постояли немного, подождали.

– Пошли, – сказал я, – а то опоздаем.

И мы пошли. Только я почувствовал, что у ребят испортилось настроение. Стали какие-то молчаливые.

– Вот что, зайдем за Генкой, – решил я. Развернулись и пошли к Генке. Еще издали я увидел его. Он сгребал снег лопатой, а его мать скребком чистила тротуар.

– Здравствуйте, – сказал я.

Ребята столпились вокруг меня. Генкина мать посмотрела на нас. Она была в короткой тужурке и в пуховом платке. От работы ей, видно, было жарко.

– Приветик, – сказал Генка; он приподнял шапку, и от головы у него повалил пар.

– Ну-ка, надень шапку, постреленок, – строго сказала ему мать, – а то застудишься!

Генка напялил шапку.

– Это ему вместо физкультуры, – сказала Генкина мать. – И полезно, и матери подмога. Так что вы, ребятишки, идите по своим делам.

– Что вы! – сказал я. – Разве мы пришли Генку сманивать? Мы пришли вам помогать.

– Тетя Маруся, – крикнул Толя, – мы сейчас все переделаем! Это нам пустяк!

– Вот это уж ни к чему, – ответила тетя Маруся.

А Генка не стал возражать, он-то все отлично понял: отдал лопату Толе, а сам мгновенно куда-то сбегал и принес еще две лопаты и четыре скребка.

Что тут началось! Ребята выхватили у него эти скребки и лопаты и стали расчищать снег. А я взял у тети Маруси лом и колотил образовавшийся под снегом лед.

Тяжелый был этот лом до чертиков, но я не показывал виду. Колол себе, и все... Рядом со мной лихо колол лед Генка.

– Это в наше-то время, – ворчал я нарочно, – когда запускают спутники и космические корабли, приходится колоть лед ломом!

– Я ей не сказал про цирк, – оправдывался Генка, – а то бы она меня прогнала.

– И правильно сделал, – ответил я.

И вот когда мы все так отчаянно и самоотверженно рабо-

тали, когда перед нами уже лежала широкая полоса очищенного тротуара, когда мы были «один за всех и все за одного», вдруг из подъезда выплыли Зина Стрельцова с мамой. Зина была в новом голубом пальто и берете... А Стрельцова-старшая напялила на голову высокую папаху и гордо несла спортивную сумку своей дочери – будущей чемпионки по плаванию.

– А, это вы, молодой человек... – Увидев меня, Стрельцова-старшая остановилась. – Чудак!

Она назвала меня чудаком, словно дураком обругала. Но я-то доволен, что попал в отряд чудачков.

– Мы помогаем тете Марусе, – сказала Наташка.

– И Генке, – добавил Толя.

– Это эксплуатация детского труда. Я этого так не оставлю, – ответила Стрельцова-старшая, при этом она выразительно посмотрела на тетю Марусю. – Идем, Зиночка.

И они торжественно удалились.

– Тетенька, – крикнул Генка им вдогонку, – осторожнее, там лед! Упадете, запачкаетесь!

Стрельцова-старшая остановилась, боясь сделать следующий шаг.

Генка засмеялся. А за ним все ребята. И я. И даже тетя Маруся.

...Когда мы ворвались в цирк, представление уже началось и на нас зашикали, чтобы мы не шумели. А попробуй тут не шуми, когда с арены доносится музыка, крики клоуна

и хохот зрителей.

– У нас билеты! – закричал я и выхватил из кармана длинную ленту билетов.

– Тише, – сказала контролер, – тише! Все равно во время выступления входить нельзя.

– Вы поймите, – сказал я тихо, – они первый раз в своей жизни в цирке.

– Так уж и первый раз!

Нет, она была неумолима, а дети почти плакали, но потом она засмотрелась, а может быть, нарочно сделала вид, что засмотрелась, и мы шмыгнули в проход.

Выскочили, а куда идти, неизвестно, народу полно, свет... Стопились стайкой около прохода и стоим.

И вдруг клоун заметил нас и закричал на весь зал:

– Видели ли вы когда-нибудь, чтобы дети опаздывали в цирк?

– Нет, нет, нет!.. – понеслось со всех сторон.

– А теперь смотрите сюда! – Он подбежал к нам: – Вот они!

И все стали смотреть на нас.

– Мы работали, – сказал я.

– Вы слышите? – закричал он. – Они работали!

Он начал хохотать, упал от хохота, перекувырнулся через голову, и все захохотали с ним вместе.

– Мы работали, – сказала Наташка прямо в его раскрашенное лицо. – Чистили снег, товарищу помогали. Вот

ему! – и вытолкнула вперед Генку. – Почему вы нам не верите?

Тогда клоун перестал хохотать, снял шапку и раскланялся перед нами.

– Причина уважительная, – сказал он. И теперь никто уже не смеялся. Клоун подал Наташе руку, крикнул: – Музыка!.. – и повел ее, как настоящую сказочную принцессу.

А за ним пошли мы, и на нас светили разноцветные огни. Клоун подвел нас к нашим местам и крикнул:

– Мороженщицу! В цирке дети должны есть мороженое. И вот тут-то пошли в расход – между прочим, благородный – последние два рубля из папиной десятки.

А потом мы смотрели медвежий цирк, лизали мороженое и хохотали вместе со всеми.

Сегодня у мамы день рождения. А я притворился, что забыл: подарка-то у меня не было. Нехорошо, конечно.

Когда я утром вышел к маме, она встретила меня радостно. Мы сели за стол и стали завтракать.

– Ну, как тебе завтрак? – Она сама подталкивала меня к тому, что сегодня необычный день.

– Понравился, – ответил я.

– А что тебе понравилось? – спросила она.

– Все, – ответил я.

И вдруг она с подозрением спросила:

– А что ты ел?

А я как бухну:

– Действительно, мама, что я ел?

Оказалось, она специально в этот день приготовила праздничный завтрак – омлет, поджаренный с помидорами и сыром, – а я съел все и не заметил!

Мама ничего мне не ответила и вышла из кухни, чтобы подойти к телефону. И тут разразился гром и молния, ибо я услышал, как мама разговаривала с тетей Олей, и понял – это было совсем не трудно, – что та поздравляла ее с днем рождения!

Я притаился, как самый жалкий мышонок. Я почти не занимал места, почти испарился, внимательно прислушиваясь к маминым шагам, придумывая лихорадочно, как бы выкрутиться из создавшегося положения.

Вот мама прошла в комнату. Может быть, она ждала, что я выйду к ней? Потом ее шаги снова раздались в передней, замерли и – спасение! – хлопнула входная дверь. Значит, мама ушла.

Я выглянул в окно. Мама быстро пересекала наш двор.

Вот если бы я был правдивым человеком, как Наташка, то я бы все честно рассказал маме. А мне было чем ее удивить! Дело в том, что я окончательно запутался и как сын, и как воспитатель. Вы только послушайте, что я придумал.

Меня посадили караулить первоклашек на контрольной, потому что их учительница заболела.

Когда я вошел и спросил их: «Ну, как идут дела?» – они в ответ тяжело вздохнули. Не надо было быть психологом,

чтобы сразу догадаться, что дела у них шли неважно.

Я посмотрел на доску: там были примеры.

– Нечего сказать – нагружают детей, – заметил я, чтобы приободрить их. – Мы такие примеры решали в третьем классе.

На Зину Стрельцову жалко было смотреть: вот-вот заревет. Куда девалась ее спортивная находчивость! Я заглянул в ее тетрадь и увидел ошибку. Посмотрел в Наташкину – та же ошибка.

– Вы что, никогда не решали таких примеров? – спросил я.

– Решали, – нестройно ответили дети.

Я прошелся по рядам. Боже мой! Почти у всех одинаковые ошибки. У меня голова закружилась от напряжения. Конечно, их запугали: «Контрольная, контрольная, будьте внимательны, первая контрольная в вашей жизни...» Ну, они и перепугались. Вот почему я вырвал из тетради листок – надо было как-то поднять их боевой дух, – переписал примеры с доски, приговаривая: «Подумаешь, ерунда. Это же совсем ерундовые примеры», – быстро их решил, с победным видом отбросил листок, отошел к окну и повернулся к классу спиной. Краем глаза я заметил, что мой листок исчез со стола. Помню, я улыбнулся: мне понравилась находчивость моих подопечных.

На следующий день Нина сказала, что контрольная прошла благополучно, что у всех пятерки и четверки, что во

всем классе только одна двойка!

Тут я взметнулся, я был возмущен двойкой!

Я вбежал в первый класс и еще от двери закричал:

– Какой размазня получил двойку?

– У меня пятерка! – закричал радостно Костиков.

– И у меня, и у меня, – закричали все подряд.

– А у кого же двойка? – спросил я. – Сознавайтесь!

И тут раздался тихий голос Наташки, и она сказала, что двойка у нее. Все, конечно, были просто потрясены, а я возьми да скажи:

– Эх ты, всех подвела!

– Девчонка! – закричал Костиков. – Даже списать не сумела!

– Не хотела, – срезала его Наташка.

Она посмотрела на меня. Глаза ее превратились в «клокочущий океан». Вот это был взгляд: прямо пригвоздила меня к позорному столбу. Невольно я отступил назад: не каждый может выдержать такой взгляд.

Уничтожив меня, она оглядела притихший класс, встала из-за парты и ушла.

Все ждали, что я что-нибудь произнесу, но я как-то весь мелко и противно задрожал и тоже выскочил из класса.

В этот день я поймал ее после школы. Подлетел к ней, будто ничего не случилось, и пошел рядом, весело и беззаботно размахивая портфелем.

Мы шли домой как обычно. Так могло показаться со сто-

роны, но на самом деле все было не так. Она шла рядом со мной сама по себе. Семенила ногами, опустив голову так, что банты от ее коротких кос торчали, как рожки козленка.

А я старался вовсю. Унижался, прыгал, хохотал. Просто ужас, до чего мне хотелось с нею помириться.

– Не забудь вовремя дать бабушке лекарство!

У нее бабушка заболела.

Наташка промолчала.

– А когда будешь разогревать еду, не включай газ на полную силу.

Никакого ответа.

– Эх, махнуть бы сейчас на Камчатку! – сказал я и покопился на Наташку. – В долину гейзеров.

Я ждал, что она обязательно спросит про гейзеры. Но нет, не спросила. Ну и девчонка – кремень!

– Ты знаешь, что за штука гейзер? – не вытерпел я.

Нет, она определенно не желала иметь со мной дела. Тогда я нанес ей последний, решающий удар:

– Кстати, я узнал, как спят африканские жирафы. Они ложатся на землю, а шею обматывают вокруг туловища.

Я думал, на эти слова она отзовется. Она же любознательный человек и сама спрашивала у меня про этих жирафов, но сейчас ее ничего не интересовало.

– Слушай, – безнадежно сказал я, как будто сделал какое-то великое открытие, – а может быть, пойдем ко мне обедать? Мама будет рада.

Мои слова ударились в ее молчаливую спину.

А мы уже поравнялись с ее домом. И тут ко мне пришло спасение: одинокая страшная собака. Все-таки мир не без добрых собак. Не зря, значит, говорят: «Собака – друг человека». Вовремя появилась.

Я торжествующе улыбнулся и сказал:

– Не бойся. Я здесь, – и взял за руку, чтобы провести мимо страшной собаки.

Наташка на мгновение остановилась, потом вырвала у меня руку и прошла мимо собаки. Так вызывающе близко, что красный шершавый собачий язык почти коснулся ее плеча. И скрылась в подъезде.

А я остался один. Представляю, какое у меня было лицо.

Я вспомнил, как Наташка впервые пришла за мной. У нее от волнения дрожал голос, и она перепутала мою фамилию. А я, здоровый дурак с большим лбом, еще издевался над нею. «Да, да, говорю, моя фамилия не Занудо, а Скандуто». Она тогда была маленькой и робкой, стояла передо мной – цветок на тонком стебле.

А после Наташки я вновь подумал о маме. До чего же у нее был обиженный вид, когда она пересекала двор! Конечно, никто ее не поздравил: ни я, ни отец, как будто она жила не в семье, а на необитаемом острове. Интересно, какое было бы настроение у меня, если бы это был мой день рождения?

И тут, конечно, позвонил папа. Я еще никогда в жизни не встречал такого неудачника. Что бы ему позвонить на пять

минут раньше. Он бы и маму поздравил, и я бы не так сильно его огорчил.

– Здравствуй, папа! – сказал я и скорчил рожу для храбрости. – Папа, здравствуй! – И радостно добавил: – Мама уже ушла.

– Жаль, – сказал папа. – А я всю ночь ехал, чтобы добратся до телефона.

Я же говорил вам, что он неудачник: всю ночь ехал, а на пять минут опоздал.

– Ничего, – утешил я. – Я ей передам.

– Так то ты, а то я. Большая разница, – сказал папа. – Ну, что ты ей подарил, дьяволенок?

Слышно было, как назло, очень хорошо. Но я все же притворился, что не расслышал вопроса.

– Что? – крикнул я. – Не слышу, повтори еще раз.

– Я спрашиваю, что ты подарил маме? – крикнул папа.

– Что? Что? – переспросил я. – Ничего не слышу... – И повесил трубку.

Вбежал в комнату и стал лихорадочно одеваться, чтобы убежать до повторного звонка. Но не успел. Телефон зазвонил снова. Все, конечно, из-за папиной настойчивости. Лучше бы он больше не звонил, а то сейчас я должен буду рассказать ему правду. Я же говорю, он неудачник.

– Не вешайте трубку, – сказала телефонистка. – Разговор не окончен.

– Ничего не слышно, – ответил я.

– Все хорошо слышно, – сказала телефонистка. – А если вы глуховаты, позовите кого-нибудь с нормальным слухом.

Тут снова ворвался папин голос.

– Ничего он не глухой! – кричал папа. – Это ваш телефон работает плохо. Борис, ты слышишь меня, Боря...

– Папа, – обреченно сказал я, – теперь я тебя слышу хорошо.

– Ну, что же ты купил маме?

– Ничего.

– Ничего? – удивился папа. – А почему ты, собственно, ничего не купил?

– Я... я... я... забыл, – сказал я. – То есть у меня нет денег.

– Как нет? Ты их потерял?

Я хотел ему все объяснить, но по телефону это трудно.

– Ну, понимаешь... – Надо было как-то отделаться, и я сказал: – Проел на мороженое.

После этого наступила длинная пауза.

– Алло, алло! – кричал я в трубку.

Папа молчал.

– Теперь, кажется, вы оглохли, – ворвался голос телефонистки. – Он сказал, что проел деньги на мороженое.

– Я все слышал, – ответил папа. – Силен мужик! – и, не попрощавшись, повесил трубку.

После этого разговора у меня пропала всякая охота что-нибудь делать.

«Дьяволенок» снова был в действии. «Дьяволенок» – это

я, это мое прозвище с детства, с первого класса. Я тогда надел папины темные очки и пошел в школу. Меня в них никто не узнавал, и мне это так понравилось, что я не пошел на урок, а гулял по коридорам. И догулялся. Ко мне подошла учительница из параллельного класса и спросила, почему я разгуливаю во время уроков. «Уж не заболел ли?» А я ей на чистом французском языке: «Же нэ спа», то есть не понимаю, прикинулся иностранцем. Ну, она отняла у меня очки, и я сразу все стал понимать. А папа прозвал меня дьяволенком, но, по-моему, я с тех пор здорово перезрел и стал настоящим дьяволом.

Хотя, если разобраться, я ни в чем не виноват. Но этого ведь никому не объяснишь. Вы же помните, я собирался купить маме подарок. Тому свидетельствует кровать, перекрашенная мною в синий цвет. С другой стороны, как выяснилось, не без помощи тети Оли меня назначили вожатым.

А затем эти несчастные дети закружили меня, заморочили, отвадили от друзей, выманили деньги, которые отец оставил на подарок. Мало того, сначала разжалобили, прикинулись несчастными, вынудили меня подкинуть им решение контрольных примеров, а затем превратили в негодяя. А я ведь просто хотел их по-дружески выручить. Вот и «навыручал» на свою голову. И вдруг мне до ужаса стало жалко... не маму, нет! Не папу, не первоклашек, а себя самого! Никто меня не ценит, никто не понимает моих страданий.

А как легко и прекрасно я жил! Чтобы меня мучила бес-

сонница, как вчера из-за этой контрольной? Чтобы я унижался перед какой-то пигалицей вроде Наташки?

Я был гордый человек. Я никому не позволял над собой издеваться. А теперь я чувствовал, что меня словно подменили. Вроде я тот самый, и нос на месте, и глаза те же, а внутри другой. Какой-то задумчивый, размышляю, казню себя. Так не долго дойти до полного нервного истощения, и прощай, жизнь, прощай, небо, прощай, космос!

Нет, решил я, не сдамся! Я оделся и в прекрасном настроении направился в школу. Нет, пожалуй, не в прекрасном, а в хорошем, в таком хорошем умеренном настроении, когда все не так уж плохо.

В школе меня подстерегало очередное разочарование. Когда я шел по нашему коридору, то увидел Сашку и бросился к нему навстречу. Он проскочил мимо меня к Нас-те, стал извиваться перед ней и что-то там свистеть на своем флейтовом языке.

Они прошли в класс, не заметив меня. Кажется, настал час: мне пора было гордо удаляться.

А жаль! Так хорошо было, когда был Сашка и была Настя.

В тот момент, когда я вошел в класс, Настя вытащила из парты цветы. Ясно, чья это была работа. Она любовалась ими немного более, чем надо, и все ребята заметили, хотя у нее в руке был совсем маленький жалкий букетик никому не известных цветов.

– Ребята, смотрите! – крикнул кто-то. – Насте преподнес-

ли цветы!

А Настя встала, подошла к Сашке и сказала:

– Спасибо, Саша!

Она это сказала так выразительно и с такой душевной нежностью, что я чуть не упал на пол.

– Боже мой! – крикнул кто-то. – Никак, любовь!

– Кто жених, а кто невеста? – спросил какой-то запоздалый остряк.

– Александр Смолин и Анастасия Монахова, – ответили ему.

Да, кажется, меня уже гордо удалили, пока я сам собирался. Я прошел к своему месту и водворился рядом с Сашкой, не подымая глаз. Я видел только Сашкины руки, которые упорно открывали и закрывали футляр, и Настину руку, в которой все еще были зажаты цветы.

Но теперь ко мне это не имело никакого отношения.

Кто-то глухо хихикнул над Настей. Неужели Сашка не собирался сознаваться в том, что это его цветы? Я шарахнул его изо всех сил в бок.

Он посмотрел на меня и вытащил наконец флейту. Ну и выдержка! Он и не думал пугаться и отказываться от букета. Сейчас он сыграет Насте какую-нибудь серенаду или свою знаменитую пастораль под названием «Пастух играет аисту». Я приготовился слушать.

А он стал продувать флейту, дунул раз, другой, третий. Нет, играть он не собирался.

– А я-то думала, – сказала Настя, – что Смолин не только музыкант, но и вежливый человек. – Она разжала кулак, и цветы упали на нашу парту.

Я перехватил ее взгляд: глаза у нее были как у побитой собаки. Жалкие, горькие и униженные.

– Подарил, а теперь отказывается! – выкрикнул девчоночий голос. – Ну и тип!

– Ничего я не дарил! – вдруг заорал Сашка, размахивая флейтой. – Я все деньги на мороженое проедаю!

– А кто же, интересно, подарил? – спросил кто-то.

– Откуда я знаю? – ответил Сашка. – Может быть, она сама себе подарила.

Все от Сашкиного неожиданного ответа даже язык прикусили. Такой находчивости и изобретательности я от него не ожидал. Вот так «молодец протухший огурец»!

А Настя, точно от удара в спину, втянула голову в плечи, и худенькие лопатки у нее торчали, как сложенные крылья.

У меня вдруг все заплясало перед глазами и гулко забилось сердце: в ушах, в горле, в голове. Я вскочил на парту и, не помня себя, закричал:

– Тихо, тихо, не возводите напраслину на благородного человека! Это не он подарил Насте цветы. – Теперь все смотрели на меня. – Это я!

Дальше я не совсем точно помню, что произошло, только я увидел, как Настя встала, подошла к нашей парте, собрала оброненные цветы и сказала:

– Спасибо, Збандуто.

Я хотел ответить что-то вроде «пожалуйста, всегда рад служить прекрасным дамам», но язык у меня присох к горлу, и вместо слов я издал какой-то победный клич и стал бешено и радостно прыгать на парте.

– Эй, ты что, сдурел? – крикнул Сашка. – Флейту раздавишь!

Он схватил меня за ногу и дернул, и я грохнулся вниз, больно ударив колено. Я бросился на Сашку, чтобы хорошенько отделать его, и двинул ему кулаком в помидорное лицо, но попал почему-то в воздух. Он громко и победно захохотал.

Правда, он хохотал один во всем классе. Сразу отпала всякая охота с ним драться. У меня твердое правило: лежачего не бить. А Сашка был лежачий, хотя он хохотал и корчил из себя героя.

А тут в дверях появились первоклассники Толя и Генка, и я забыл про Сашку.

– А, ребятки, привет! – сказал я.

Я обрадовался им, точно не видел их милые морды тысячу лет, точно они мне были самые близкие и родные, и незаметно для себя очутился вместе с ними в первом классе.

Я только тогда опомнился, когда увидел Наташку. Улыбнулся ей и подмигнул, а потом вспомнил про свои дела-проделки и скис, и нога заболела еще сильнее. Я с трудом оторвал взгляд от Наташки и спросил:

– Ну, как живете-поживаете?

– Хорошо поживаем! – крикнул Толя.

– На пятерочках катаемся, – подхватил Генка.

– Хвастун ты, Костиков, – перебил я его. – Вроде меня.

Видно, мое признание их поразило. Да что их – оно меня самого поразило. Теперь осталось преодолеть только бесконечное расстояние от учительского стола до дверей.

Около дверей я остановился, в последний раз посмотрел им в лица, не просто так скользнул взглядом, а заглянул каждому в глаза. Можете мне не верить, но в этот момент я был счастливым человеком. «Как это, – скажете вы, – говорил всем, что эти дети – твои лучшие друзья, и вдруг, расставаясь с ними, оказался счастливым человеком».

А вот так.

В коридоре я увидел Сашку, который явно поджидал меня. Ну что ж, раз так, то пожалуйста, и пошел к нему. Я приближался, и его лицо покрылось мраморной бледностью. В последний момент он не выдержал, повернулся и убежал.

В другой раз я бы его догнал – все-таки лучший друг, а друзья, как известно, в пыли на дороге не валяются, но сегодня я спешил к нашей новой старшей вожатой Вале Чижовой, чтобы рассказать ей все про себя, чтобы поставить последнюю точку. А там пусть со мной делают что хотят, пусть казнят или четвертуют, я все выдержу.

Она меня встретила весело. Она такая рыжая и хохотунья.

Я ее давно знал: она из десятого «В». Но когда я закончил свою исповедь, она помрачнела и сказала:

– Что теперь делать с этим первым «А», не знаю. Ведь их через две недели должны принимать в октябрята. А можно ли?

– Если их не примут, – возмутился я, – то кого же тогда принимать?

– Я думаю, тех, кто не списывал контрольные.

Я испугался, что из-за меня их не примут, и сказал:

– Они же маленькие.

– Разумеется.

– Они растерялись. Их запугали: «контрольная, контрольная».

– Может быть, – сказала она.

– А мне их стало жалко. Вот я и поддержал.

– Поддержал, говоришь. – Она секунду помолчала, а потом сказала: – А я тебя помню, ты выступал в самодеятельности, играл собаку. Здорово лаял. У тебя фамилия еще такая смешная... Скандуто.

– Збандуто, – поправил я ее.

– Извини.

– Ничего, я привык.

– А потом ты потерял хвост, и мы долго смеялись. Я и теперь, когда вижу тебя, вспоминаю тот случай и смеюсь. Ты не обижайся.

– Я не обижаюсь.

– Слушай, а что, если я на свою ответственность тебя прощу?

Я промолчал, хотя мне ее предложение очень понравилось.

– Нет, пожалуй, так нельзя, – сказала она. – Ты иди, а я подумаю.

А я снова почувствовал себя счастливым и еще отчаянно храбрым. Зашел в первую телефонную будку и позвонил маме.

– Мама, – сказал я, – поздравляю тебя с днем рождения.

– А, это ты, – протянула мама и замолчала. Было слышно, как там кто-то играл в мяч – в волейбол или баскетбол. У них телефон прямо в спортивном зале.

Я не дождался маминого ответа и стал ей сам рассказывать новости:

– Папа звонил. Только ты ушла. Тоже поздравлял. Он всю ночь ехал к телефону, а опоздал всего на пять минут. Расстроился. Я ему говорю: «Я все маме передам», а он ответил: «Я хотел сам, лично. Хотел услышать ее голос».

Она ничего на это не ответила, и я вообще подумал, что мама меня не слушает, если бы не звонкие удары мяча об пол, которые долетали до меня оттуда. Но мне все равно не хотелось с нею расставаться, и я сказал:

– Мама, у меня новость – я больше не вожатый. – Голос у меня был радостный, а в конце фразы я даже хихикнул.

Она совершенно не удивилась ни моему хихиканью, ни

бодрости и не спросила почему – она никогда не задавала лишних вопросов, – а сказала:

– Да, да, Боря, я тебя слушаю.

– Понимаешь, я им подсказал на контрольной, решил за них примеры, и они почти все получили пятерки. А сегодня я во всем сознался. Правда, здорово?

– Да, да, Боря, – повторила она, – я тебя внимательно слушаю.

– Мама, а у тебя там во что играют?

– В ручной мяч, – ответила мама.

– А я думал, в баскет или в волейбол.

– Нет, в ручной мяч. – Она подумала минутку и сказала: – Хочешь, приходи.

Я оглянулся и увидел унылую фигуру Сашки. Он подпи-
рал дерево.

– Спасибо, – ответил я, – в другой раз. У меня важное дело.

– Ну ладно, – сказала мама. – И тебе спасибо. Я думала, ты забыл про сегодняшний день. Ничего, конечно, страшного, но почему-то обидно. – И повесила трубку.

Я вышел из будки. Настроение у меня ухудшилось. Стало непривычно грустно. Мне бы сейчас поехать к маме, а я должен возиться с Сашкой. Помахал этому дураку рукой – иди, мол, ко мне, а он опять, как загнанный заяц, бросился в сторону. Только пятки мелькнули.

Тогда я решил устроить Сашке ловушку. Зашел для этого

в универмаг и спрятался недалеко от двери. Стою, жду. И вдруг кто-то меня спросил:

– Мальчик, тебе что надо?

– Мне? – Я оглянулся и обалдел. Представьте, на месте продавщицы в отделе женских шляп стояла наша бывшая старшая вожатая Нина.

– Здравствуй, Збандуто, – сказала она. – Удивлен?

– Удивлен, – ответил я.

А я и правда был удивлен.

– Не хотите ли купить женскую шляпу? – спросила она.

– Хочу, – принял я ее игру, – для мамы. Тем более, у нее сегодня день рождения.

– А какой у нее размер головы?

– Естественно, как у меня.

Нина смерила сантиметром голову, взяла какую-то шляпку и напялила на меня. Я посмотрел в зеркало: на моей голове возвышалась какая-то дурацкая шляпа, какой-то самовар с трубой.

Мы оба рассмеялись.

– Между прочим, – сказала она, снимая с меня шляпу, – это смех сквозь слезы. Представляешь, некоторые женщины покупают эти трубы и носят... Ну, рассказывай, как там у нас... – она смешалась, – у вас.

– По-старому. Теперь вместо тебя Валька Чижова, из десятого.

– Знаю – Чижик. А твои малыши как?

– Ничего, растут. Зина Стрельцова заняла первое место в вольном стиле. А Лешка Шустов поступил в кружок по рисованию. Это новенький, ты его не знаешь. Не хотели его брать, говорят, мал, но я настоял... Только я ушел от них.

– Ушел?.. У тебя же настоящее призвание. Это я тебе говорю.

– Ничего не поделаешь. Я и сам о них скучаю. Не хватает мне их. Но не имею права... Помнишь контрольную, когда я заменял у них учительницу? Так эти примеры я за них решил.

– Честное слово, ты неуправляемый снаряд! Совершенно неизвестно, в какой момент взорвешься, – сказала она своим прежним тоном. – Ты извини, я по дружбе, теперь это меня не касается.

– Я сегодня решил начать новую жизнь, – сказал я. – Никогда не буду врать.

– Все мы начинаем новую жизнь, – ответила она. – Что там про меня судачат?

– Не знаю, – ответил я. – А что должны про тебя «судачить»?

Нина внимательно посмотрела на меня:

– Неужели ты ничего не слышал?

Я ответил, что нет. Я действительно ничего не слышал, а если бы слышал, разве стал бы так притворяться?

– Да, ты всегда был чудаком, – сказала она. – Это хорошо. Когда ты станешь управляемым, тебе цены не будет.

Я на всякий случай усмехнулся, потому что не разобрал, шутит она или говорит серьезно. Раньше она все говорила только серьезно и торжественно, а сейчас она мне понравилась. Оказалось, она умела шутить, и видно было, что она мне рада.

– Знаешь, почему я ушла из школы? Из-за любви без взаимности. К одному учителю. Не скажу, к какому...

И не надо, подумал я, потому что вспомнил, как она рисовала мужчину с бородой. А у нас в школе бородатый всего один.

– Страшная штука любовь, – поддержал я ее. – Чего только люди ради нее не делают! Даже Пушкин из-за любви стрелялся на пистолетах.

– Что ты несешь, Збандуто? При чем тут Пушкин? – сказала Нина. – Там были социальные причины.

– Я сам читал, – сказал я виновато, – не по программе.

– А он на меня никакого внимания. Ночи не спала. Стихи сочиняла. Однажды не выдержала, пришла к нему домой и во всем созналась. А он говорит: «Это пройдет» – и угостил меня пирожным. Все привыкли, будто для меня самое главное – еда. Колобок да Колобок. Ну, я съела пирожное и ушла. А на следующий день встретила его с какой-то дамой. Я когда увидела их вместе, у меня голова кругом пошла.

– Это от ревности, – сказал я.

И поискал глазами Сашку. Его нигде не было.

От волнения Нина из шляпы, которую я примерял, сдела-

ла гармошку, вот-вот она должна была на ней заиграть что-нибудь печальное. Я вырвал шляпу у нее из рук, расправил и отдал обратно. Она поставила ее на место и успокоилась.

– Ну, до свиданья, Збандуто, – сказала Нина. – Заходи. Не забывай. Ребятам привет. Я ведь, знаешь, в нашей школе провела всю свою жизнь. У меня мама еще работала старшей вожатой, и я к ней прибегала с четырех лет. Так что я там пробыла целых шестнадцать лет... А если хочешь купить своей маме хороший подарок, пойди в бижутерию и купи ей брошку. Женщины любят украшения.

– Спасибо за совет, – ответил я, – но у меня кончился капитал. Отец оставил десятку, а я истратил.

Она полезла в карман форменного платья – она была похожа в этом платье на стюардессу, – и тут я догадался, что с нею произошло. Из толстухи, из колобка, она превратилась в худенькую, стройную девчонку. Вот что значит любовь и страдания. А тем временем она вытащила из кармана два рубля и сказала:

– Купишь маме цветы.

– Да что ты! – возмутился я. – Не возьму.

– Брось дурака валять, Збандуто, – сказала она своим прежним тоном. – Бери. А будут деньги, вернешь.

Когда я вышел из магазина, Сашки уже не было.

Я его нашел дома. Он сидел в полном одиночестве и, не стесняясь, плакал. Он пошел к Насте, чтобы помириться, а ему сказали, что она улетела на Дальний Восток. Неожидан-

но приехал ее отец и забрал ее с собой.

– Плачь не плачь, – сказал я, – а она уже на другом конце земли.

– Но у меня есть адрес, – сказал Сашка. – Я могу ей написать письмо. Если она захочет, я расскажу правду всем ребятам. – И с грустью добавил: – Я предатель. Вот что меня убивает.

– Это кого хочешь убьет.

Сашка помолчал-помолчал, а потом с обидой в голосе ответил:

– Тоже друг, не можешь даже успокоить!

– Не могу я тебя успокаивать, – сказал я. – Я сам подлец и предатель.

И я рассказал Сашке про контрольную в первом классе, и про Наташку, и про то, как я размотал десять рублей, и про мамин забытый день рождения.

– Про первоклашек – это ерунда, – сказал Сашка. – Плевать тебе на них.

– Это ты зря. Их обманывать нельзя. Они всему верят.

– Все равно они научатся врать, – упрямо сказал Сашка. – Все люди врут, особенно в детстве.

– Нет, не научатся. Эти не будут врать. А если кое-кто из них соврет, то мне бы не хотелось к этому прикладывать руку.

– Ну, а как же нам теперь дальше жить? – спросил Сашка. – Придумай что-нибудь, ты же умеешь.

– Можно дать клятву, что мы больше никогда не будем предателями.

– Давай клятву или не давай, – сказал Сашка, – а старого не воротишь.

Мы вспомнили обо всех своих неприятностях, и нам хотелось давать клятву.

За окнами темнело, а затем эта темнота проникла в комнату.

Зазвонил телефон. Это была моя мама. Вдвоем с тетей Олей они ждали меня на именинный пирог!

– Пошли, – сказал я, – у нас именинный пирог.

Мы вышли на улицу, и нам сразу стало лучше. Горели огни, сновали и толкались люди. Шел мелкий дождь: такая зима стояла.

Мы купили маме цветы на Нинины деньги и пошли есть именинный пирог.

Несколько дней прошли в полном затишье. К первоклассникам не ходил, но они прибегали ко мне чаще, чем раньше. Все, кроме Наташки. Каждую перемену по несколько человек.

Только теперь в нашем классе никто надо мной не смеялся. Я думаю, что некоторые из наших даже завидовали, что эти дети так ко мне привязались. А тут на одной из перемен ко мне пришел новичок, Леша Шустов, принес в подарок пирогу, слепленную из пластилина, и в ней сидело два-

дцать пять индейцев с перьями на голове и серьгами в ушах и носу. Двадцать четыре человека сидели на веслах, и один был рулевой. Крохотные такие фигурки, непонятно, как он их слепил.

Забавный он парень, сосредоточенный и молчаливый. Я с ним познакомился недавно. Как-то зашел в первый класс, по привычке, и нарвался на него.

– А чего ты здесь сидишь? – спросил я его.

– Леплю, – ответил он. – Дома ругаются, что я все пачкаю.

Честно говоря, меня это возмутило. Что ж, они не понимают, что ему охота лепить?

– А кто ругается? – спросил я.

– Бабушка, известно кто, – ответил он. – Говорит, лучше делом займись. Читай или уроки делай.

– Складывай книги, – приказал я. – Пойдем к твоей бабушке.

– Нет, – сказал он, – я лучше здесь. Не люблю я, когда она меня пилит. – Потом внимательно посмотрел на меня и спросил: – А ты кто?.. Боря?

– Да, – признался я.

И тут он без слов быстро стал запихивать в портфель книги и тетради и уронил кусок пластилина на пол, раздавил его и виновато посмотрел на меня.

– Вот всегда у меня так, – сказал он.

– Ничего, – приободрил я Лешу. – В большом деле у всех бывают накладки.

Хороший он паренек оказался, и бабушка тоже ничего. Только они друг друга не всегда понимали.

Все наши набросились и стали рассматривать эту пирогу и удивляться. А Лешка от смущения убежал. А тут, кстати, появилась старшая вожатая Валя Чижова, взяла пирог в руки и сказала:

– Да он талантище! Збандуто, ты должен отвести его во Дворец пионеров. Его надо учить.

Потом, уже на ходу, так, между прочим, бросила:

– Да, с тобой все решили. Зайди ко мне, расскажу. – И убежала.

Только я вскочил, чтобы бежать за Валею и узнать, что там со мной решили, как ворвались Толя и Генка и сказали, что Наташку увезли в больницу.

У меня прямо все похолодело внутри.

– У нее заболел живот, и ее увезли, – сказал Генка. – «Скорая» приезжала.

Я побежал в учительскую. Я бежал так быстро, что Генка и Толя отстали от меня. Когда я вышел из учительской, весь первый «А» стоял около дверей.

– У нее аппендицит. Ей сейчас делают операцию. Через два часа я пойду в больницу, – сказал я. – Кто хочет, может пойти со мной.

Потом я побежал вниз и из автомата позвонил Наташкиной бабушке и соврал ей, что Наташка задержалась в школе. Не мог же я сказать, что Наташке вот сейчас делают опера-

цию.

Когда я вышел после занятий на улицу, то у школьного подъезда меня ждал весь класс. Даже Зина Стрельцова.

– У матерей отпросились? – спросил я.

Они закивали головами.

– Мне мама велела, – ответил Генка, – чтобы я не приходил домой, пока все не закончится.

– А моя мама сказала, что сейчас аппендицит не опасная операция, – сказал Гога.

– «Не опасная»! – возмутился Толя. – Живот разрезают. Думаешь, не больно?

Все сразу замолчали.

Ребята остались во дворе больницы, а я пошел в приемный покой.

Оказалось, мы пришли не в положенное время и узнать что-нибудь было не так просто. Какая-то женщина пообещала узнать, ушла и не вернулась.

Потом появился мужчина в белом халате и в белом колпаке. Вид у него был усталый. Может быть, это был хирург, который делал Наташке операцию?

– Здравствуйте, – сказал я, когда перехватил его взгляд.

– Здравствуй, – ответил он. – А чего ты здесь, собственно, ждешь?

– Одной девочке делали операцию, а я пришел узнать.

– Ты ее брат?

– Нет, – сказал я, – вожатый.

– А, значит, служебная необходимость. Понятно.

– Нет, я так просто, – сказал я. – Да я не один.

Я показал ему на окно. Там во дворе на скамейках сидели мои малыши. Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на воробьев, усевшихся на проводах.

– Весь класс, что ли? – удивился хирург.

Я кивнул.

– А как девочку зовут?

– Наташа, – ответил я. – Маленькая такая, с косичками. Ее отец тоже хирург. Только он сейчас в Африке. Может, встречали. Морозов его фамилия.

– Морозов? Нет, не знаю. Впрочем, это не важно. Подожди... – И пошел наверх.

А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуюсь, зеваю и не могу сидеть на месте: хожу и хожу. Зря я не запретил Наташке ездить на пузе по перилам лестницы. Ведь из-за этого все и получилось. Она съехала на пузе и не смогла разогнуться.

Я знал, что Наташка любит так ездить, и не ругал ее. Ругать ее было глупо, потому что я сам так катаюсь. А у меня железное правило: никогда не ругать детей за то, что сам не прочь сделать. Сначала сам избавься, а потом других грызи. А теперь я себя во всем винил.

Наконец появился хирург.

– Можете спокойно отправляться домой, – сказал он. – Я только что видел вашу подружку. Она хорошо перенесла операцию. Завтра приходите и приносите ей апельсины и сок.

Он улыбнулся и подмигнул мне. «Чудак какой-то в белом колпаке, – подумал я. – Чудак. Распрекрасный чудак». В ответ я ему тоже подмигнул. Иногда такое подмигивание действует посильнее слов.

Хирург посмотрел на меня и захохотал.

– Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад с вами познакомиться, Борис... – он замялся, – с какой-то невозможно сложной фамилией.

– Збандуто, – сказал я.

Ух, как я обрадовался! От радости я еле сдержался, чтобы не броситься ему на шею. До чего мне была дорога эта глазастая Наташка! Значит, она ему сказала про меня, значит, он с нею разговаривал.

Я выскочил во двор, чтобы обрадовать малышей. Они повскакали со своих мест, как только увидели меня, и я им все рассказал.

– Она во время операции даже ни разу не крикнула, – сказал я.

Хирург мне этого не говорил, но я-то хорошо знал Наташку.

– Вот это да! – сказал Генка. – Вот это сила!

Остальные ничего не сказали. Не знаю, о чем они там думали, но только мне нравилось, что они такие сдержанные.

И еще мне нравилось, что они у меня «один за всех и все за одного». Именно так и надо будет жить в двадцать первом веке. А когда их спросят, откуда они такие появились, то,

может быть, они ответят, что жил среди них некто Збандуто, который предчувствовал двадцать первый век и воспитал их.

Дети окружили меня плотным кольцом, и мы двинулись по улице.

И тут я увидел тетю Олю. Она вышла из магазина своей стремительной, будто летящей походкой. Я бросился следом за нею, расталкивая и обегая встречный поток людей, но она, раньше чем я добежал, села в троллейбус, на секунду мелькнул ее профиль, и она ускользнула от меня вдаль.

Правда, мне было достаточно и этой мгновенной встречи, потому что я вспомнил, что именно благодаря тете Оле я иду среди этих детей и живу жизнью, которая сделала меня счастливым.

Белые пароходы

Когда Рите исполнилось двадцать девять лет, она решила, что возраст уже не маленький, что старость не за горами и пора наладить бестолковую жизнь их семьи. Поэтому она сказала своему мужу Глебу и сыну Павлу, что отныне они будут жить, как все люди: в отпуск ездить к морю, вовремя обедать и завтракать и купят телевизор. При этом она выразительно посмотрела на Глеба.

– Пожалуйста, – неохотно сказал Глеб. – Я совсем не против.

– А как я теперь буду вас называть? – спросил Павлик.

Дело в том, что Павлик называл своих родителей по имени. Это повелось еще с того далекого времени, когда Павлик был совсем маленький, а Рита и Глеб такие молодые, что никто не принимал их за настоящих родителей.

Рита подумала, посмотрела на себя в зеркало, взбила прическу и ответила:

– Это может пока остаться по-старому.

Павлик с сожалением посмотрел на отца. В жизни Павлика ничего, собственно, не менялось.

В конце концов не так уж трудно приходить вовремя к обеду и есть какие-то супы и котлеты, хотя в общем-то глупо есть эти супы, когда продаются такие вкусные вещи, как колбаса или консервы в томате. Но вот отцу это угрожало

гораздо большим.

– Долго ты еще собираешься работать в этой экспедиции? – спросила Рита.

Наступила минута молчания.

– До лета поработаю, – ответил Глеб. – А потом брошу экспедицию, и мы отправимся все вместе к морю.

Этот разговор произошел на квартире Головиных зимой.

Потом Глеб уехал снова в экспедицию на Ангару, а Павлик и Рита продолжали жить в городе. Они ждали лета и часто по вечерам мечтали о море.

Наконец пришло лето, и приехал Глеб.

Рита была на работе. Павлик гулял во дворе.

– Долго ты не приезжал! – сказал Павлик. – Опоздал на десять дней. – Он взял у отца чемодан, и они медленно пошли к подъезду.

Чемодан был тяжелый. Вероятно, отец снова привез образцы железной руды. Но Павлик помахивал на ходу чемоданом, точно пустым. У них с отцом было правило: раз взялся нести, то уж терпи.

– Ну, как руда? – спросил Павлик. – Определили точное место залежей?

– Нет, – ответил Глеб.

Раз отец не хочет отвечать – значит, что-то не так. Это Павлик отлично усвоил и не стал больше расспрашивать.

Сколько Павлик помнит себя, столько отец ищет эту руду. Во дворе его прозвали «рудокопом». Раньше отец работал в

городе, в институте, а каждое лето во время отпуска уплывал по Ангаре, за четыреста километров, чтобы искать руду. Когда-то там работала маленькая экспедиция, и в ней на практике были отец и мать Павлика. Потом экспедицию закрыли, решили, что крупных залежей руды в том районе нет. Все так решили, кроме отца. И с тех пор он уходил в тайгу.

У других мальчишек отцы уезжали в отпуск на рыбалку или в деревню, а его отец искал в тайге руду. А в прошлом году он переехал на строительство нового сланцевого комбината, чтобы быть поближе к району своих поисков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.